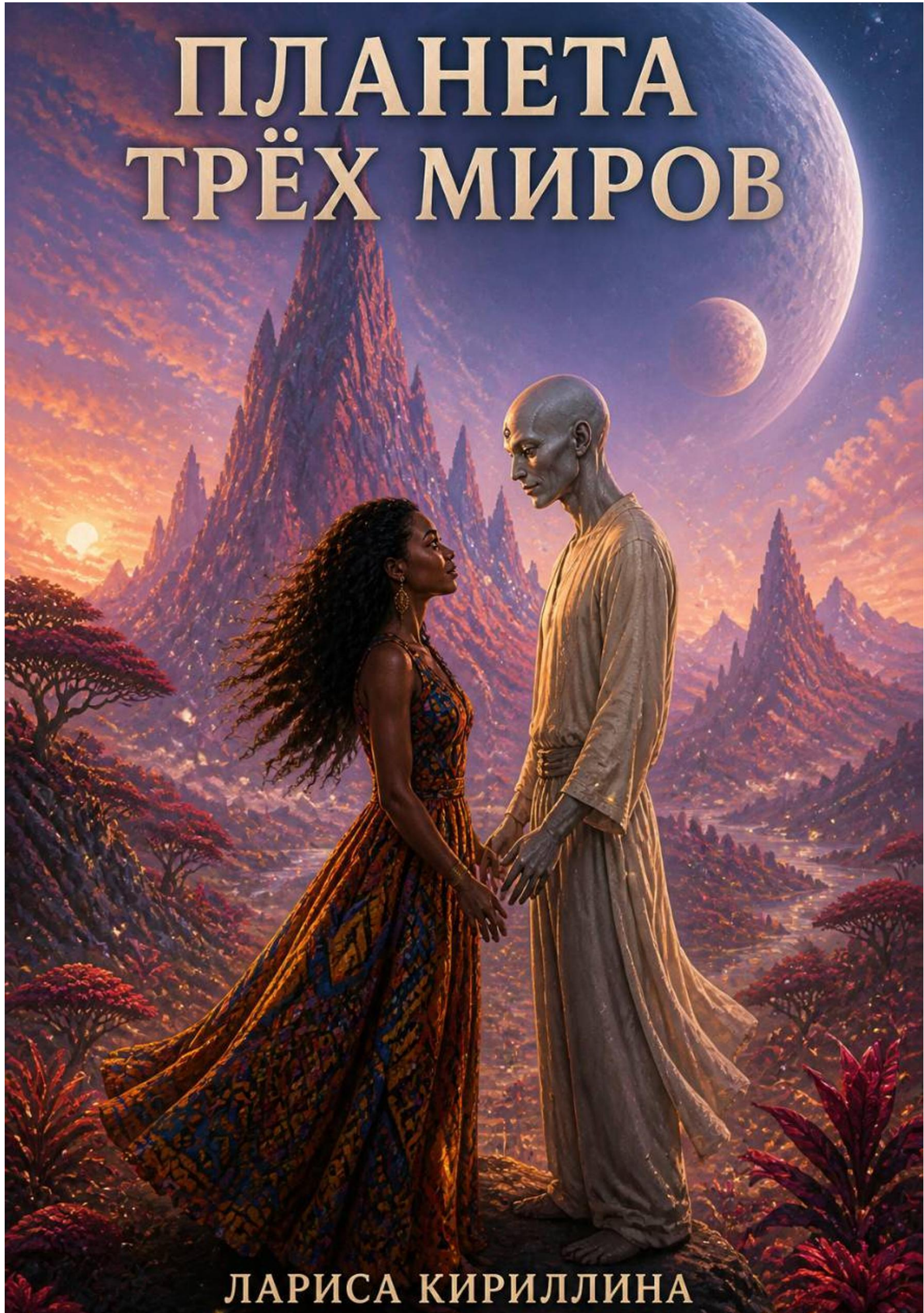

ПЛАНЕТА ТРЁХ МИРОВ

ЛАРИСА КИРИЛИНА

Лариса Кириллина

Планета трёх миров

«Автор»

2026

Кириллина Л. В.

Планета трёх миров / Л. В. Кириллина — «Автор», 2026

Они летели искать новый дом в космосе. А нашли братьев по разуму. И не только братьев. «Планета трёх миров» — история о любви вопреки всем различиям и запретам.

© Кириллина Л. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Новый мир	5
Тревога	10
Встреча	14
Контакт	19
Общий язык	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лариса Кириллина

Планета трёх миров

Новый мир

— Рискованный был маневр. Ещё одного такого броска наша «Гайя» не выдержит, — почти безучастно заметил Юрий Гаранин, быстро вытерев пот, проступивший на лбу.

— Другого уже не понадобится, — возразил капитан звездолета, Рой Диас. — Мы у цели.

— Просто не верится!

— Вот она — планета мечты. Перед нами.

— Мы ее назовем как-нибудь?

— Только после благополучной посадки.

Эту реплику Рой произнес не столь уверенно, как предыдущую.

Космос выглядел непривычно. Последний прыжок через гравитационную «нору» между временем и пространством соседних миров вынес «Гайю» туда, где не действовали никакие прежние ориентиры. Ни одной знакомой звезды. Совершенно чужие светила вблизи и вдали. Бортовые компьютеры бесстрастно собирали, анализировали и выдавали информацию о системе, в которой оказался корабль.

«Подарок небес, не иначе», — подумалось Юрию, но он промолчал, чтобы ненароком не взглянуть неслыханное везение.

Звезда из разряда оранжевых карликов. Это — редкость, и само по себе хорошо. Такие светила устойчивы и долговечны. С красными карликами лучше не связываться, хотя в обозримой Вселенной они составляют подавляющее большинство. Если планета вращается в обитаемой зоне подобной звезды, она постоянно рискует получить мощный залп убийственного излучения или оказаться в приливном захвате. Жизнь сложнее микробной в таких условиях вряд ли возможна.

На пути экспедиции «Гайи» встречалось немало каменистых миров, где можно было бы попытаться высадиться — но Рой Диас упорно отказывался рисковать кем-либо из участников миссии, даже если они соглашались взять ответственность на себя. Нет и нет. Абсолютно категорически — нет. Где-то не было атмосферы или она состояла из ядовитых газов, где-то фиксировались экстремальные температуры и отсутствовала вода, где-то буйствовали вулканы и мощнейшие ураганы...

Такие планеты обследовались только издалека. В крайнем случае, если объект попадался особенно интересный, посылали автоматический зонд: произвести измерения и добыть образцы грунта, льда, минералов. Кое-где попадались бактерии. С ними следовало поступать максимально предусмотрительно. Соблюдать строжайшие карантинные меры. Образцы анализировать только в отдельном лабораторном модуле, в герметичном отсеке. Изучив, тотчас стерилизовать. Никаких контактов с незащищенными человеческими организмами. В этом вопросе и ксенобиологи, и врачи экспедиции были единодушны: не хватало еще занести на «Гайю» семена чужеродной флоры и фауны, способной всех погубить.

Ради столь неуютных миров совершенно не стоило покидать родную Солнечную систему и лететь неизвестно куда без надежды на возвращение.

«Мы ищем планету, на которой сможем жить, а не существовать!» — повторял Рой Диас, слегка ударяя ладонью то по пультам, то по столу, то по поручню командирского кресла.

Упрямого мексиканца с лицом ацтекского бога слушались беспрекословно, хотя он не прибегал к устрашению подчиненных, чтобы поддерживать дисциплину. Но капитан казался сгустком воли и внутренней силы. Ровный неугасимый огонь пылал под кремниевой оболочкой

— таким был цвет его кожи, унаследованной от индейских предков. Он не знал ни сомнений, ни колебаний, и ни разу не взял себе лишнего часа отдыха сверх положенного распорядка.

Целью странствий «Гайи» был некий оазис в дальнем космосе, где люди, оторванные от всего человечества, создали бы еще один очаг цивилизации. Инициатор проекта, финансирующий всю программу, супермиллиардер Лайо Кастис, мечтал о несбыточном, воображая себе идеальное общество, которого никогда не бывало в истории, да и вряд ли оно могло возникнуть где-либо. Но только самые фантастические замыслы способны воспламенять умы и приводить хоть к какому-то результату.

Странствия «Гайи» не имели четкой программы. Они подчинялись алгоритму свободного поиска нового мира, как в соседних системах, так и за их пределами. Поначалу эта свобода вдохновляла и сплачивала команду, преднамеренно составленную из представителей самых разных народов Земли с их культурами и языками. Кастис лично следил за отбором участников. Помимо общих требований — возраст, здоровье, психическая устойчивость, владение как минимум двумя профессиями и двумя языками, один из которых английский, — он старался избежать численного преобладания какой-либо группы, способной сложиться в замкнутую национальную или религиозную общину. Человечество будущего, полагал он, должно сохранить все ценные традиции прошлого, но не делать культа из чьей-либо самобытности. «В космосе все мы — единый вид, гомо сапиенс, дети Земли!» — повторял Лайо Кастис, напутствуя избранных во время длительных тренировок на слаженность и совместимость.

Однако шли годы, а цель оставалась недостижимой. Периоды гибернации чередовались с активной работой, когда «Гайя» пролетала над очередной незнакомой планетой — как правило, непригодной для человеческих организмов. Разочарование нарастало, усталость накапливалась, возникало гнетущее предощущение неизбежного краха. Космос виделся совершенно враждебной средой, в которой «Гайя» выглядела одинокой молекулой, обреченной на постепенную гибель или мгновенное уничтожение.

Бодрствующие участники экспедиции периодически собирались в кают-компании, чтобы выслушать очередную научную лекцию. Главный астроном, огромный рыжевато-белый швед Свен Ларсен и планетолог Христо Младенов, напоминавший пышнобородых и длинноволосых святых и пророков с древних икон, рассказывали о разновидностях звезд и планет, дабы внушить всем уверенность в том, что однажды «Гайя» наткнется на мир, подобный Земле — по статистике, это непременно должно было произойти вследствие однородной структуры Вселенной.

И чудо случилось. Благая судьба, направляемая волей и мастерством капитана, второго пилота, навигаторов и вычислителей, вынесла звездолет к планете, которая выглядела как мираж, хотя была совершенно реальной.

Новый мир восхищал даже издали. Размерами планета напоминала Землю, но из космоса виделась не голубой, а сверкающей пестрыми красками — золотистой, красной, бурой, иссиня-зеленой. Она неспешно плыла в окружении легких тающих облаков. Спектральный анализ четко показывал наличие в атмосфере кислорода, азота, малой примеси углекислоты и метана. Такой атмосферой люди смогут дышать без скафандров, а гравитация и магнитное поле лишь ненамного отличаются от земных. Сила тяжести здесь несколько меньше, а значит, двигаться будет легко. Вода в жидком виде имеется, и ее очень много, хотя больших океанов не видно. Ось заметно наклонена, поэтому на экваторе жарко, а полюса покрыты снегами и льдами — возможно, океаны как раз под ними, из космоса не разглядишь. Спутников — два, оба — меньше Луны, и они вращались на разных орбитах, появляясь над горизонтом по очереди.

— Неужели это райское место необитаемо? — с сомнением и тревогой спросила главный биолог, Памина Вайгеле.

Тонкая, светловолосая и сероглазая, она могла показаться совсем юной девушкой, хотя на самом деле, улетаая с Земли, уже имела степень магистра и считалась крупным специалистом по интродукции и генной инженерии растений.

— Растительность там, очевидно, имеется, а значит, и живность какая-то есть, — изрек очевидную истину ее коллега, зоолог Якуб Колаш, заведовавший виварием «Гайи».

— Знать бы, насколько эта живность разумна, — задумчиво проговорила Памина.

— Придется узнать, дорогая. Деться нам больше некуда, — вступил в их беседу Юрий. — Будем надеяться, что здешним хищникам хватает пищи без нас.

Ему не хотелось думать о трудном и неприятном.

Люди на «Гайе» истосковались не столько по Земле, сколько по привычной размеренной жизни. Каждый втайне или открыто мечтал о семье и собственном доме. Сожалеть о своем решении отправиться в космос было поздно. Оставалось лишь строить планы на будущее.

Юрий тоже рисовал себе утешительные картины семейного счастья. Они с Паминой познакомились на собеседовании при отборе экипажа «Гайи», и сразу прониклись взаимной симпатией. Памина сказала ему несколько слов на русском, с милым австрийским акцентом, и не без гордости объяснила, что ее бабушка родилась в Петербурге и когда-то пела на оперной сцене. А Юрий признался, что в опере никогда не бывал, однако музыку любит и намерен взять с собой на «Гайю» гитару, если ему разрешат. Он сам сочиняет стихи и песни, и если Памина захочет, они составят дуэт.

Памина выглядела серьезной не по годам, и в ее светло-серых глазах постоянно сквозила печаль. Она пережила гибель первого своего возлюбленного, от которого у нее осталась дочка, Ева Мария. Ребенка разрешили взять на борт космолета, поскольку «госпожа магистр Вайгеле» безусловно соответствовала всем прочим требованиям: молода, здорова, уравновешенна, профессионал высочайшего уровня, говорит на немецком, английском, итальянском и немножко — на русском.

Теперь Еве Марии исполнилось девять лет, и она давно называет Юрия «папой». Но жили Памина и Юрий по-прежнему в разных каютах. Их рабочие графики, как правило, не совпадали, а о деторождении в космосе даже помыслить было нельзя. Теперь же, если планета не обманет ожиданий, а посадка выйдет благополучной, они станут настоящей семьей.

На борту звездолета царило эйфорическое возбуждение. Обстановка, пусть и преувеличенно бодрая, разительно отличалась от угрюмой подавленности, в которую впали в последний год путешествия многие участники миссии, невзирая на нестигаемую убежденность Роя Диаса в правомерности всех своих действий.

Вспышки гнева и мимолетные стычки обычно гасились самими людьми, понимавшими, что идти на открытый конфликт с окружающими, находясь внутри замкнутого корабля посреди бескрайнего космоса, и опасно, и бесполезно. Спорщики расходились по разным отсекам и занимались своими прямыми обязанностями. Иногда их мирили друзья и коллеги. Кто-то обращался за посредничеством к психологам, Вере Кемет и Павло Тышкевичу. Кому-то помогало общение с падре Орфео Моретти — священником и музыкантом, одинаково благожелательно принимавшим всех окружающих, независимо от их причастности к музыке и религии. Однако в спертom воздухе звездолета, уже с трудом поддававшегося постоянному обновлению и насыщению кислородом, витала тягучая мгла безысходности.

Участники экспедиции, отправляясь в невозвратное странствие, заранее знали, на что соглашались. Но тогда, на Земле, они были преисполнены веры в непобедимую силу духа и разума, способного преодолеть любые препятствия. И все были молоды — не старше тридцати трех лет на момент старта «Гайи». Предполагалось, что, когда в космосе им откроется новый мир, они окажутся в самом расцвете физических и умственных возможностей и сумеют про- извести на свет потомство, которое будет гордиться родителями, совершившими этот подвиг.

Заветный час приближался.

Звездолет готовился к посадке, и работы велись круглосуточно, с небольшими паузами для сна и еды, но многие жертвовали минутами драгоценного отдыха, чтобы лишний раз взглянуть в монитор, непрерывно транслировавший череду изумительных зрелищ.

Рой Диас и Юрий Гаранин, сменяя друг друга, управляли «Гайей» вручную, доверяя компьютерам только расчеты на основе решений, принятых командирами. Автопилот пригнулся бы в знакомой звездной системе, а здесь он мог привести корабль к катастрофе. Баллистическими расчетами руководили два математических гения, близнецы Давид и Марк Зильберштейн.

Внезапно Юрий вскрикнул:

— Рой, мы будем там не одни! Она обитаема!..

— Где?..

— Вот там... Гляди: что это, если не город?...

— *Sarajo!* — ругнулся Рой по-испански. — И вправду похоже. Я всё время смотрел не в ту сторону. Искал ровное место для высадки.

— Они тоже его искали. И сели туда раньше нас.

— *Ahora veo*, — согласился капитан. — Теперь вижу.

На пустынной равнине между двумя гористыми областями торчал объект заведомо не природного происхождения. С очень дальнего расстояния он напоминал одинокую остроко-нечную скалу, но при внимательном рассмотрении обнаруживалось, что скала слишком сим-метрична по форме и при определенном освещении выглядит либо как грандиозное здание инопланетной архитектуры (но зачем оно посреди пустыни?) — либо как давно заброшенный космолет. Тоже инопланетный. Ибо земляне в эту галактику никогда еще не попадали. Или... за время странствий «Гайи» по космосу на Земле изобрели некий способ перемещаться сквозь пространство и время еще стремительнее?...

Юрий приблизил изображение и постарался, как мог, укрупнить детали.

— Нет. Такая конструкция космолета могла бы встретиться только в фантастике. На Земле ничего похожего никогда не строили, даже ради эксперимента. К тому же он явно ста-рый. Давно не использовался. Космопорта поблизости нет. Очевидно, они когда-то сумели тут сесть, потом вывезли самое ценное и оставили голый корпус. Дорога к нему ведет, но конча-ется тупиком. И движения на ней — никакого.

— Да, город или селение — дальше к западу, возле большого озера или моря! — вос-кликнул Рой Диас. — Ого! Ничего себе!..

— Вижу, вижу! — возбужденно отозвался Юрий.

Изображение резко увеличилось в масштабе. Компьютер подстроил резкость до макси-мальной детализации.

На мониторе ясно вырисовывалась сетка улиц, застроенных невысокими домами, скла-дами и предприятиями, сельскохозяйственные посадки с теплицами, какая-то техника, пере-двигавшаяся по дорогам...

Обитателей на таком расстоянии разглядеть толком не удавалось. Скопления темных точек.

— Похоже, аборигены все-таки антропоморфны, — сказал уверенно Юрий. — По край-ней мере, это не студенистые монстры, не мыслящие грибы и не летающие китообразные. Даже если у них есть рога, хвосты и другие излишества, слишком сильно они от нас отличаться не будут. Дома, дороги, транспорт — животным это не нужно. Мы открыли инопланетную цивилизацию!

— Жаль, что про наше открытие никто на Земле очень долго еще не узнает, — усмех-нулся Рой Диас. — Мы понятия не имеем, где находится этот мир.

— И насколько нам тут будут рады, — заметил Юрий. — Скорее всего, появление «Гайи» вызовет сильный переполох.

— Мы теперь уже не можем помахать на прощание и улететь. Придется садиться. Жела-тельно, где-то поблизости. И постараться не вызвать приступа ярости у законных хозяев пла-неты.

— Вероятно, они нас давно засекли. И готовят нам теплую встречу.

— *Alea jacta est*, — произнесла какую-то древнюю латинскую фразу Тесса Алулу, лингвист, полиглот и переговорщик. — «Жребий брошен», — перевела она ради ясности.

— Тесса, я тебя не вызывал! — хмуро оборвал ее Рой.

— Я решила опередить майора Маккизи, — заявила она. — Мы все уже поняли, что этот космический рай населён не одними жуками и бабочками. И я жажду испытать на инопланетных разумных созданиях всё, чему я училась едва ли не с детства.

Тесса — дочь эфиопского дипломата — защитила две диссертации по компаративной лингвистике и лингвистической психологии, а вдобавок успела поработать переводчиком-синхронистом на высшем международном уровне.

— Погоди, мы еще никуда не сели, — охладил ее пыл Рой Диас. — Полагаться на помощь местных диспетчеров не приходится. Скорее, наоборот. Как только «Гайю» засекут и поймут, куда мы нацелились, к месту посадки, скорее всего, пришлют войска.

— А сесть в стороне мы не можем? — спросила Тесса.

— Риск чрезмерно велик. Посмотри — тут высокие горы, тут какие-то джунгли, за ними болотистая низина, дальше — цепь водоемов с очень узкой прибрежной полосой... Если приземлиться в той дальней пустыне, нам все равно придется перебираться поближе к воде и растительности. Разумнее повторить опыт наших предшественников. Если они сумели посадить свой большой звездолет на равнине, то сумеем и мы.

— Контакт неизбежен, — заметил Юрий. — Лишь бы он сразу не вылился в вооруженный конфликт.

— Большинство конфликтов порождаются непониманием интересов друг друга, — продолжала Тесса Алулу. — А непонимание возникает из-за отсутствия общего языка. И в буквальном, и в переносном смысле. Для налаживания контактов существуют дипломаты. Но они бы тоже ни до чего не договорились без нас, переводчиков. В общем, Рой, я хочу, чтобы мы вели себя крайне сдержанно до того момента, как я выясню, какой язык тут в ходу, научусь изъясняться на нем и сумею наладить мосты между ними и нами.

— Одобряю! — кратко ответил Рой Диас. — Действуй. Если только нас не собьют при подлете или во время посадки. Мы не знаем, каков тут уровень техники. Может быть, местные вооруженные силы давно утратили боевую мощь. Судя по тому, что мы видим сейчас, воевать им тут не с кем. Но нельзя исключать и того, что они владеют оружием, какого мы никогда не видели. Нужно быть начеку.

Тревога

В службе спасения поселка Севайя раздался ночной звонок.

Райно Майс, подстегнутый резким звуком сигнала, мгновенно стряхнул дремоту. Опять кто-нибудь заблудился в горах? Свалился в ущелье, сломав себе пару конечностей? Пострадал от зубов баадара?...

— *Сиовайно корос. Райно Майс найсар.*

Служба спасения. Дежурный Райно Майс. Вас слушают. Разговор фиксируется. Говорите!

— Райно, это я, Эттао Ниссэй.

Они вместе учились в школе, но скорее приятельствовали, чем дружили по-настоящему. Эттао происходил из знатной семьи и мог позволить себе заниматься наукой. Он построил небольшую частную обсерваторию на высоком плато горы Седжэхх. А Райно пошел служить туда, где прилично платят за риск. У спасателей — то затишье, то срочные вызовы, и тогда уж держись!

— Что случилось, Ниссэй?

— Не хотел бы сеять напрасную панику, но к нам летит нечто странное. Инопланетное. Возможно, межзвездное.

— Астероид?

— Я сам поначалу подумал, что астероид. Или маленькая комета. Оно появилось внезапно, словно бы ниоткуда. Вероятно, в первое время объект оставался невидимым, поскольку двигался со стороны Айни. Прошлой ночью я обнаружил, что неизвестное тело несется с огромной скоростью, но его траектория все еще позволяла думать, будто оно пролетит мимо нас. А сейчас стало ясно, что залётный гость перестраивал ключевые параметры своего движения. Совершил ряд искусных гравитационных маневров, многократно снизил скорость и движется по дальней орбите вокруг Тиатары, постепенно сужая круги.

— И что это значит? — напряженно спросил Райно Майс, не очень хорошо представлявший себе, что такое «гравитационный маневр».

— Будь объект просто камнем из космоса, я сказал бы, что его притянуло к нам гравитацией, и со временем он либо рухнет в необитаемой зоне, либо рассыплется при вхождении в атмосферу и просто сгорит над планетой. В самом катастрофическом случае — врежется в Тинду или Сатинду.

— Но ты полагаешь, что это не природное тело?

— Нет. Я думаю, это корабль. Управляемый. И нацеленный прямо сюда.

— *Йоннайю!* — позабыв все инструкции, просторечно ругнулся Райно Майс. — Эттао, тебе это точно не померещилось?

— Райно, я совершенно в здравом уме. И я разбираюсь в типах небесных тел. Мне кажется, нужно немедленно оповестить центральную Службу спасения. Пусть созовут Совет шести и решают, что делать.

— У нас нечем сбивать ни залетные астероиды, ни инопланетные корабли, — напомнил Райно Майс.

— Зачем непременно сбивать? — возразил Эттао Ниссэй. — Может быть, пришельцы — такие же бесприютные беглецы, какими были наши предки, прибывшие на Тиатару на «Солле».

— А если они захотят уничтожить нас?

— Тогда бы прислали флотилию, а не единственный звездолет.

— Это не автоматический зонд-разведчик?

Ранее Эттао уже докладывал Совету Шести о сигналах непонятного происхождения, которые он иногда улавливал в космосе, но не мог ни определить их источник, ни расшифровать — его техника не была настолько мощной, а новую ему никто предоставлять не собирался.

— Совсем исключать такое нельзя, — согласился Эттао Ниссэй. — Но мне кажется, там внутри живой экипаж. И они управляют своим звездолетом вручную, гибко подстраиваясь под условия нашего мира. Нам нужно быть готовыми ко всему.

— Ты прав. Я немедленно доложу центральной Службе. Оставайся на связи.

Ас-майсар Симмао Каррон, глава планетарной Службы спасения и нынешний председатель Совета Шести — высшего органа власти на Тиатаре — отнесся к докладу Райно Майса с предельной серьезностью и тотчас потребовал разговора с Эттао Ниссэем. Хотя астроном заверил ас-майсара, что посадка инопланетного звездолета не может произойти немедленно — его скорость остается пока запредельно огромной, и таких перегрузок не выдержит при столкновении с атмосферой даже самая прочная техника — Симмао Каррон решил, что лучше опередить пришельцев, чем бездействовать.

Совет Шести был срочно созван прямо ночью, ибо ситуацию сочли чрезвычайной и требующей принятия неотложных мер.

Эттао Ниссэ и не мог немедленно прибыть из Севайи. Он перебрался в местный пункт Службы спасения, к Райно Майсу, и говорил с Советом оттуда, поскольку там имелаась видеосвязь.

Он рассказал о наблюдениях за чужеродным объектом, показал снимки со своего телескопа (увы, недостаточно четкие) и привел собственные предварительные расчеты орбиты космического пришельца. Вывод Эттао Ниссэя остался прежним: это не астероид. И не сбившийся с курса автоматический зонд неизвестной цивилизации. Никакое небесное тело, лишенное управления, неспособно двигаться столь осмысленно и целенаправленно. К Тиатаре приближается инопланетный корабль, который, скорее всего, методично сбавляет скорость и одновременно ищет место для удобной посадки. Конечно, есть некоторая вероятность, что тот звездолет предпочтет сесть вдали от обитаемой местности. Может быть, даже в другом полушарии. Но это лишь отодвинет срок неминуемого контакта. А скорее всего, инопланетяне не захотят рисковать и направят свой звездолет примерно туда, где виднеется остов заброшенной «Соллы».

— Если их логика сходна с нашей, то — да, — согласился ас-майсар Симмао Каррон. — Выбор места посадки в условиях незнакомой планеты требует крайней точности. Плоская полупустыня без торчащих скал, без густой растительности, без ущелий с сыпучими склонами — подойдет. Может быть, они сядут севернее, на равнине под Суссуманом. Или восточнее, за хребтом Удунусир.

— Или прямо на наши головы, — мрачновато заметил представитель тагманской общины, старейшина Джарг.

— Это небезопасно для них самих, — возразил Симмао Каррон. — Звездолеты строятся и управляются не глупцами. Неверный расчет приведет к катастрофе. При подобной посадке они сметут Тиастеллу с лица планеты, но и сами могут погибнуть.

— Но если пришельцы способны дышать нашим воздухом и есть нашу пищу, они могут напасть на нас, — предположил представитель тагманских охотников, Харн.

— Вряд ли их настолько много, чтобы сразу же затевать войну на чужой территории, — предпочел успокоить его Каррон. — Однако нам следует подготовиться дать им отпор. Положение очень тревожное. Предлагаю сейчас же созвать расширенный совет Тиастеллы, а утром — общий сход.

— Всецело поддерживаю, — согласился принц Ульвен Киофар, главный судья Тиатары.

Собрались прежние члены Совета Шести и приглашенные специалисты. Из Севайи служебным транспортом срочно доставили Эттао Ниссэя — единственного профессионального

астронома планеты. Он сам предпочел бы продолжать наблюдения из своей обсерватории, но объект, нацеленный на Тиатару, стал отчетливо виден даже без телескопа.

Эттао был молод, но пользовался уважением в обществе и как ученый, и как потомок ас-майсара Эллуэна Эттая, который, собственно, открыл систему Айни и сумел привести сюда «Соллу» сквозь пространственно-временной туннель между двумя разлетающимися галактиками. Навигатором «Соллы» был Найро Доэн, но без знаний и вычислений Эллуэна Эттая звездолет сюда не добрался бы. Все решения ас-майсара и все действия экипажа фиксировались в бортовом журнале «Соллы», копия которого сохранялась в семье как реликвия. Эттао Ниссэй знал те записи наизусть и мог без запинки процитировать описание всех этапов посадки «Соллы» на Тиатаре: поиск ровной площадки, переход на третью систему двигателей, выпуск двух очередей тормозных парашютов, включение виброполя и создание воздушной подушки, призванной максимально смягчить неизбежный удар о поверхность...

Примерно так же должны были действовать и пришельцы, если их звездолет принадлежал к классу техники, сопоставимому с «Соллой». И, похоже, они действительно проходили все стадии шаг за шагом.

— А не могут ли это быть наши с вами собратья с Уйлоа? — спросила госпожа Ринна Моан, входившая в прежний состав Совета Шести. — Вдруг они сумели построить второй звездолет и каким-то образом отследили путь «Соллы»?

— Невозможно! — возразил Эттао Ниссэй. — Обычное путешествие между Уйлоа и Тиатарой заняло бы тысячелетия. Построить корабль, способный на сверхскоростное перемещение, на Уйлоа уже не успели бы. Вы же знаете, достопочтенная госпожа Моан, что живым существам оставалось существовать всего несколько лет.

— Значит, это чужие, — заметил инженер Ноффо Гиссар. — Но сопоставимые с нами по уровню знаний. Коллега Ниссэй, вы не заметили исходящих от их звездолета сигналов? Они не пытались дать знать о своих намерениях?

— Мой телескоп ничего подобного не зафиксировал, — ответил Эттао Ниссэй. — Однако с последнего сеанса наблюдений прошло уже несколько часов. Может быть, кто-то из вас уловил хотя бы намеки на инопланетные сообщения?

— Я слышал помехи в эфире, но не понял их происхождения и не озаботился расшифровкой, — признался Уллио Файру, специалист по электронике и компьютерам, заведующий ТИАССО — службой коммуникаций и сообщений. — Потом меня подняли по тревоге и вызвали для консультаций, и я выключил аппаратуру.

— В нашем центре есть нужная техника, — напомнил Симмао Каррон. — Пусть уважаемый Уллио Файру попробует связаться с пришельцами или просто поймать их сигнал.

Уллио отправился в студию, из которой обычно велось вещание ТИАССО. Помещение, заставленное довольно старой техникой, было маленьким, всё собрание там не поместилось бы. Поэтому Уллио оставил на столе в совещательном зале карманный транслятор.

Через некоторое время транслятор заговорил: «Есть сигнал! И он повторяется». Последовала довольно долгая пауза — Уллио пытался понять суть инопланетного сообщения. Затем осторожно предположил: «Кажется, это просто ряд чисел. Они пользуются двоичной системой. «1, 1, 2». «2, 2, 4». «1, 2, 3». Возможно, присутствует и словесный шифр, только язык непонятен».

— Математика — лучший на свете язык! — воскликнул Ноффо Гиссар. — Мне кажется, пришельцы ищут контакта. Иначе зачем бы они слали нам сообщения, подтверждающие их способность мыслить разумно?

— Мы можем им чем-то ответить? — осведомился Симмао Каррон.

— А стоит ли? — усомнился Тайо Таллар, начальник службы охраны порядка. — Пока они ничего не знают о нас, мы имеем свободу действий.

— Они уже убедились, что этот мир обитаем, — напомнила Ринна Моан. — И явно рассчитывают на какой-то отклик.

— У нас нет средств космической связи, — с сожалением произнес Эттао Ниссэй. — Сколько я ни пробовал убедить администрацию создать аппарат для радионаблюдения за объектами ближнего космоса, мне всякий раз отвечали, что эта задача отнюдь не насущной важности, и вообще она вызвана лишь моими научными интересами, а не острой необходимостью. С кем нам связываться через космос? Зачем? И какие сигналы транслировать? Если мне очень хочется получить такое устройство и запустить его на орбиту, я вправе заказать его за свой счет. Однако все мои деньги я вложил в телескоп и обсерваторию.

— А обойтись существующими радиостанциями для связи с тем звездолетом нельзя? — спросил Гиссар.

— Об этом лучше спросить коллегу Уллио Файру.

— *«Я как раз сейчас пытаюсь послать им ответный математический код»*, — отозвался голос Уллио в трансляторе. — *«Не знаю, способны ли они уловить такой слабый сигнал. Возможно, они уже переключились на другие задачи — готовятся к скорой посадке. Их собственные сигналы становятся все более быстрыми, неразборчивыми и не похожими на прежние»*.

— Самое время поспешить навстречу гостям, — произнес Тайо Таллар. — Я бы не стал относиться к визиту столь беспечно, как наши коллеги из числа ученых. Хотя мы многие годы не обновляли доставленное на «Солле» оружие и не проводили учений, оно сохранилось на складах и может быть пущено в дело при крайней необходимости.

— Вы собираетесь напасть на пришельцев первыми? — насторожилась заведующая медицинским центром Ильоа Линнур. — А если их вооружение сокрушительней нашего? Мы не имеем право так рисковать, не выяснив, кто и зачем сюда прибыл.

— На первых порах достаточно будет одной демонстрации силы, — пояснил ас-васай Таллар. — Они должны убедиться, что мы не беспомощны.

— Выдвигаться нужно немедленно, — согласился Каррон. — Я думаю, Совет Шести не будет спорить о том, что командование надлежит поручить ас-васаю Тайо Таллару.

— Отправить только вооруженных военных? — озабоченно спросила Ильоа Линнур.

— Нет, конечно. Ученых и специалистов тоже, — подал голос принц Ульвен Кюофар. — Предлагаю включить в отряд Эттао Ниссэя, Уллио Файру, Ноффо Гиссара...

— И меня! — внезапно воскликнул Балаф Доэн.

Молодой преподаватель Курсов учителей, он недавно стал переводчиком при Совете Шести, поскольку свободно владел обоими языками, уйлоанским и тагманским, и пользовался уважением тагманских старейшин.

Тагманцы, участвовавшие в собрании, одобрительно зарокотали.

— В самом деле, — заметил ровным тоном принц Ульвен Кюофар. — Если гости из космоса захотят изъясняться не только математическими примерами, переводчик там не помешает. В способностях господина Балафа Доэна мы все давно убедились. Почему бы ему не попробовать найти общий язык с пришельцами?

— Предложение принято, — подсчитал голоса Симмао Каррон.

— А женщин в отряде не будет? — спросила Ринна Моан.

— Если выяснится, что пришельцы не собираются вести боевые действия, то женщин тоже направят на переговоры, — ответил принц Ульвен Кюофар. — Пока положение дел непонятно, риск чрезмерно велик.

Принц Ульвен не обладал никакой личной властью, титул был лишь данью старинной традиции, однако его слово нередко имело решающий вес.

И на сей раз к нему прислушались.

Встреча

Рой Диас принял решение сажать космолет, пропустив предписанные инструкциями стадии: разведку с помощью дронов и подготовку площадки роботизированными машинами. Сценарий экстренной посадки тоже входил в протоколы и сейчас корректировался на ходу в соответствии с заданными условиями.

«Гайю», несомненно, давно заметили. Местные жители сочли бы десант устрашающих механизмов откровенной агрессией. Они попытались бы уничтожить пришельцев, не вступая в переговоры. Корпус «Гайи», выдержавший многолетнее путешествие сквозь миры, был практически неуязвим для обычных видов оружия, но вывести из строя подвижную технику сумела бы даже не самая высокоразвитая цивилизация. Сгодились бы и каменные топоры — один удар, и рабочий робот превратился бы в грудку металла.

Вопреки опасениям, «Гайя» села успешно. Обшивка частично сгорела при стремительном входе в плотные слои атмосферы, а перегрузки из-за резкого торможения оказались почти на пределе физически выносимых. Но аварии не случилось, и никто из команды не впал в критическое состояние.

Грунт помог звездолету удержать равновесие. Верхний слой — песок и суглинок с низкорослой растительностью. А ниже — каменная плита. Внедрившись в поверхностную подушку и подняв огромные тучи пыли, опоры «Гайи» нащупали твердую основу и встали как влитые, оплавив кремний, базальт или что там еще находилось под рыхлой почвой.

«Все — по местам! Работаем по инструкции!» — скомандовал Рой Диас.

Протоколы были давно расписаны, выучены наизусть и закреплены постоянными тренировками.

Первая стадия: активизировать датчики информации и провести анализ воздуха, грунта, микробной среды и радиационного фона.

Вторая стадия: выпустить роботизированные зонды, которые соберут пробы почвы, растений, мелкой живности и воды.

Третья стадия: высадка роботов для устройства временного исследовательского лагеря. Они разровняют площадку, покроют ее материалом, исключая прямое соприкосновение с почвой, установят по периметру барьер с силовым полем и дезинфекционной полосой. Затем протянут электросеть, поставят палатки, оснастят их всем необходимым для работы и отдыха.

Лишь потом в лагерь будет отправлена группа разведчиков.

Однако осуществить эти планы не получилось.

Успели управиться только с предварительным изучением обстановки: датчики подтвердили, что атмосфера планеты благоприятна для гомо сапиенс, радиационный фон спокойный, температура воздуха соответствует зоне тропиков или субтропиков.

От прочих пунктов пришлось отказаться.

К «Гайе» стремительно приближался отряд местных жителей. Они мчались по еле заметной грунтовой дороге через полупустыню, поднимая вокруг себя завихрения пыли. Разглядеть, какой техникой располагают инопланетяне, не могли ни приборы, ни люди. Скорее всего, это были мощные транспортные вездеходы. А над ними летели две воздушные машины неизвестной конструкции.

— Вероятно, у них есть ракетные установки, — заметил Рой Диас.

— У нас тоже есть! — горделиво ответил майор Маккизи.

— Но первыми мы оружие в ход не пустим, — остудил его пыл командир.

— А если они атакуют «Гайю»? Или захотят нас взорвать?

— Это потребует приготовлений. К тому же они не имеют никакого понятия о том, кто мы такие, и насколько могущественны.

— Скорее всего, они боятся нас едва ли не больше, чем мы — их, — подала голос психолог Вера Кемет. — И разумной тактикой будет не демонстрация взаимных угроз, а снижение уровня страха.

— Согласен, — сказал Рой Диас. — Сначала — выдержка и выжидание. Затем — попытка вступить в контакт.

— На наши радиосообщения они не ответили, — напомнила Женеьев Дюпре, транслировавшая с орбиты математические примеры и формулы.

— Возможно, у них отсутствуют средства космической связи, — предположил Юрий Гаранин. — Искусственных спутников в стратосфере не видно. Не заметить «Гайю» они не могли, а наши намерения им непонятны.

— Пока вы слали им циферки, они разрабатывали тактику нападения! — стоял на своем майор Маккизи.

— Поставим себя на их место, — спокойно осадила его Вера Кемет. — Вообразите, что мы — обитатели этой планеты, прибывшие некогда на единственном звездолете. Наши ресурсы весьма ограничены: население немногочисленно, крупный город — один, цивилизация — в стадии деградации. Внезапно к нам прилетает корабль из чужого мира. В системе здешней звезды другие обитаемые планеты, как мы убедились, отсутствуют, и гостей оттуда никто не ждет. Что бы мы сами сделали в таких обстоятельствах?

— Я бы продемонстрировал силу, — упорствовал майор Маккизи. — Мы должны показать, что способны дать отпор всеми доступными средствами. От психотропных до самых разрушительных.

— То есть, вы предлагаете сразу напасть? — нахмурился Рой Диас.

— Нет, капитан! Для наглядности можно взорвать что-нибудь находящееся на достаточном отдалении. Например, снести вершину вон той скалы. Это не повредит никому, кроме здешних тварешек, но может произвести впечатление.

— Я учту ваше предложение, майор, — обещал Рой Диас. — Но не будем спешить. Посмотрим, как развернутся события.

Колонна вездеходов и тяжелогрузов остановилась. Два виссiona продолжали некоторое время кружить над отрядом, а когда пыль слегка улеглась, плавно сели слева и справа.

Расстояние до неизвестного звездолета было определено по наитию. Оно показалось Тайо Таллару достаточно близким, чтобы вести наблюдения за поведением чужаков, но в то же время относительно безопасным в случае, если пришельцы вздумают обстрелять хозяев планеты.

Размеры космического корабля производили устрашающее впечатление. Термозащитная обшивка, опаленная плазмой, все еще дымилась. Из-под мощных опор тоже шел струящийся жар. Остов «Соллы», торчавший в отдалении, выглядел отсюда хрупким и невесомым, хотя оба судна принадлежали примерно к тому же классу и были рассчитаны даже на межгалактические путешествия. Но «Солле» — больше ста лет. И там внутри ничего не осталось. А эти... неведомо кто... прибыли только что. И явно располагают новейшим оружием. Неизвестно, каким.

Ас-васай совершенно не был уверен в боеспособности старинных средств нападения и обороны, прибывших некогда на борту «Соллы».

Для своего времени то оружие считалось мощным и эффективным. Но здесь никто не вел войн. Это было бы бессмысленно и самоубийственно. Опасных хищников — баадаров — истребляли в окрестностях Тиастеллы и отгоняли от прибрежных селений куда более экономичными средствами. Ракетные комплексы и дальнобойные лазерные лучеёты доживали свой век на запертых складах. Их никто не использовал и не испытывал. Новых зарядов не произ-

водилось. В ход пошла лишь взрывчатка, необходимая в горном деле для устройства шахт и для прокладки дорог по ущельям и склонам.

Теперь приходилось действовать наобум, не зная, сработает ли техника, доставшаяся в наследство от дедов и прадедов. Внешне, наверное, она выглядела впечатляюще. Но кто поручится, что в глазах пришельцев все эти передвижные комплексы, водруженные на вездеходы, не покажутся смехотворной архаикой? Сам отряд, отправленный навстречу неожиданным гостям, получился весьма небольшим. Собрать сейчас настоящую армию времени не было, обучать ее в срочном порядке тоже не получилось бы, да и снабжение создало бы лишние трудности.

Таллар приказал перекрыть дорогу, по которой чужаки могли бы приблизиться к Тиастелле. Впрочем, если бы они предпочли не двигаться по поверхности, а лететь на легких машинах или выпустить боевые ракеты, эта мера оказалась бы бесполезной.

«В крайнем случае, мы дадим им достойный отпор, — обещал он своим подчиненным. — Но первыми нападать не будем. Подождем, что предпримут они».

Из инопланетного корабля тихо выскользнул некий предмет. Или, скорее, машинка. Небольшая. И с виду вроде бы не опасная.

«Радиуправляемый робот», — уверенно идентифицировал Уллио Файру.

В Тиастелле роботов первого поколения почти не осталось. Большая часть давно уже вышла из строя, некоторые были разобраны на запчасти и доживали свой век на складах и предприятиях, трудясь как доставщики, грузчики и сортировщики.

«В него не может быть встроена бомба?» — спросил ас-васай Таллар.

«Сомневаюсь. Какой в этом смысл?» — ответил Уллио Файру.

Робот медленно продвигался в сторону тиатарцев, осторожно преодолевая мелкие препятствия на пути и тщательно объезжая крупные камни, ямы и разросшиеся колючки. Несколько раз он все-таки наткнулся на валуны, застревал в непролазных кустах и с урчанием выбирался наружу.

Ничего угрожающего в конструкции робота не усматривалось. Четыре механических шарнирных ноги на двойных широких колесах. И компактный корпус с округлыми очертаниями, похожий на плотно закрытый сейф. Спереди и сзади — небольшие стойки с индикаторами. Вероятно, на них поступали команды операторов из звездолета, а попутно устройство фиксировало и передавало всё, что попадало в поле зрения встроенных камер.

— Уничтожим, пока не поздно? — предложил заместитель Таллара, тагманец Аджар.

— Нет. Следим и ждем, — ответил Таллар.

Разнести эту штуку вдребезги тиатарцы могли бы простым лучеметом. Но зачем? Полезней сначала узнать, что она из себя представляет и с какой целью послана.

Самоходный робот остановился, не приближаясь к отряду вплотную. И замигал огоньками на передней стойке.

— Что это значит? — спросил Таллар у Файру.

— Сигналы осмысленные, ас-васай. Похоже, они транслируют нам какие-то числа в определенном порядке. Примерно как те сигналы из космоса.

Уллио Файру начал записывать последовательность сигналов. Огоньки мигали то попеременно, то синхронно. Уллио догадался, что пришельцы повторяют некие числа в двоичном коде: 0001 — 0011 — 0101 — 0111. Стало быть, 1—3—5—7. И вновь то же самое. Несколько раз. С промежутком между трансляциями.

— Возможно, цифры соответствуют какому-то слову на их языке, — предположил Уллио Файру. — Но скорее всего, это просто числа. Нечетные. Некий номер. Или код.

— Подтверждаю, — согласился Ноффо Гиссар.

— Почему вы так думаете? — спросил Таллар.

— Последовательность повторяется раз за разом. Если бы они просто хотели продолжить ряд, то последовали бы сигналы 1001, 1011, 1101, и так далее. Значит, смысл имеют лишь эти четыре цифры, — ответил Гиссар.

— Ваши предположения? Что за смысл?

Имея богатый опыт работы со всевозможными электронными аппаратами, Уллио сообразил, в чем тут дело:

— Корпус выглядит сплошь металлическим. Но скорее всего, его можно открыть. Цифры — код.

— К чему эти сложности? — удивился Таллар.

— Защита от... опрометчивых действий, — ответил Уллио Файру.

— Они думают, мы тут дикари? — не без скрытой обиды поинтересовался Аджар.

Тагманцев на Тиатаре давно уже никто не считал дикарями, и такие слова даже произносить было запрещено под угрозой весомого штрафа.

— Напротив, — примирительно заявил Уллио. — Нас считают разумными существами, способными разгадать этот код и найти ему применение.

— Каким образом? — спросил ас-васай.

— Нужно приблизиться к роботу, отыскать, куда вводится код, и набрать его, — с деловитым спокойствием произнес Уллио. — С вашего позволения, ас-васай, я бы попробовал это сделать.

— Я тоже! — немедленно вызвался Ноффо Гиссар.

— Почему не я? — возразил Аджар.

— Рисковать троими не будем! Посылаю двоих! — приказал Таллар. — Файру — действует, Аджар — прикрывает!

Вся команда «Гайи» припала к экранам.

Кажется, эксперимент проходил довольно успешно.

Робота-коммуникатора не уничтожили. Но и в лагерь как добычу не утащили, опасаясь подвоха.

Из лагеря выдвинулись две фигуры, одна — заметно выше другой.

Камера передавала изображения инопланетян, медленно приближавшихся к подозрительному объекту.

«Ох... Похоже, тут существуют две разные расы!» — изумленно воскликнул Рой Диас.

Оба существа казались мужчинами, хотя непривычная внешность могла ввести в заблуждение.

Первый, высокий, выглядел словно ходячий мертвец или антропоморфная ящерица. Его кожа была сероватого цвета с зеленоватым оттенком. Черты лица — довольно правильные, но над двумя обычными глазами посередине лба виднелось отверстие, в котором находился то ли еще один, третий, глаз, то ли некий анализатор, излучавший холодноватое свечение. Этот инопланетянин носил одежду вроде комбинезона и, скорее всего, имел при себе карманный коммуникатор или оружие.

Второй, низкорослый и кряжистый, куда больше походил на людей, но скорее на доисторических, чем на нынешних. Темно-красная, кирпично-грубая кожа, широкий и узкий лоб, глубоко посаженные глаза, мощные скулы — на Земле он прослыл бы потомком неандертальцев, сохранись они до теперешних дней. Он был одет в нечто, напоминавшее пуленепробиваемый жилет и широкие штаны до колен. В отличие от первого, безволосого, этот имел густую шевелюру рыжевато-бурого цвета.

«Рептилоид и гуманоид», — прокомментировал Якуб Колаш.

«Если столь различные существа ладят между собой, то, скорее всего, мы тоже сумеем с ними договориться», — заметила Вера Кемет.

Два посланца приблизились к роботу. «Неандерталец» встал в оборонительную позицию, прикрывая напарника со спины, но посматривая и на то, что он делал.

Серокожий инопланетянин склонился над корпусом аппарата. Обнаружил панель с кнопками, служившую для ввода кодовых цифр. Немного подумав, решительно набрал комбинацию. И тут же в невольном испуге отпрянул: крышка на корпусе плавно открылась, и выдвинулся вертикальный экран, разделенный на два симметричных поля.

«Начинаем трансляцию!» — скомандовал Рой.

На одном поле экрана появилась окружность.

Другое поле слегка замерцало. Оно оставалось пустым и словно бы приглашало коснуться его рукой или неким тонким предметом.

Инопланетянин подумал и... понял намек. Его конечности походили на человеческие, и он, дрожа от волнения, нарисовал своим длинным пальцем еще одну окружность на втором экране. Идеальной ровности не получилось, однако размер почти совпадал.

«Ура! Получилось!» — радостно вскрикнул Юрий Гаранин.

«Погоди! Эксперимент только начался!» — осадил его Рой.

Вслед за окружностью те же самые операции были проделаны с другими элементарными геометрическими фигурами — треугольниками с разными типами углов, квадратом, прямоугольником, пентаграммой и гексагоном. Никаких затруднений не вызвали куб, параллелепипед, трапеция и лемниската.

«С геометрией у рептилоидов полный порядок! — прокомментировал Давид Зильберштейн. — Приступаем к алгебраическим уравнениям!»

«Ни к чему, — возразил ему брат-близнец Марк. — Трата времени. Наши цифры и буквы тут не в ходу. А переводить все вычисления в двоичные коды — долго. В том, что они этот код легко опознали, мы уже убедились. Я думаю, следует перейти к астрономии».

На первый экран отправили схематическое изображение Солнечной системы с планетами, вращающимися по орбитам, и с указанием на родину человечества — Землю. Затем то же самое — в виде простенькой анимации.

Серый инопланетянин, взглядевшись в картину неведомой звездной системы, осознал ее смысл. И через некоторое время нарисовал, как мог, схему расположения здешнего солнца и четырех окрестных планет, пометив особым знаком ту, на которой сейчас находилась «Гайя».

Потом очень внятно произнес, обращаясь к экрану: «*Ti-a-ta-ra*».

Ткнул в условный значок, отступил назад и обвел руками всё видимое пространство, повторив еще раз по слогам: «*Ti...a... ta...ra*».

Тесса Алулу возликовала и затанцевала на месте: «Имя! Теперь мы знаем имя планеты! «Тиа-тара!» У них звуковой язык! И речевой аппарат, сходный с нашим! Мы сумеем договориться!»...

Она была невероятно счастлива.

Контакт

С приближением сумерек вооруженный отряд обитателей Тиатары разбил походный лагерь, расположив его позади техники, остававшейся в боевой готовности. Аппаратура «Гайи» фиксировала ряд палаток и проволочное ограждение, через которое, очевидно, пустили ток.

Робота-коммуникатора тиатарцы в свой лагерь не перегнали. Более того: вокруг него соорудили защитный купол из легкого непроницаемого материала. Мера, в сущности, очень разумная, ибо от перепада температур, смены влажности и пыльного ветра электроника, даже заключенная в прочный корпус, могла пострадать.

«Мы бы тоже так сделали», — сказала связистка «Гайи», Женевьев Дюпре, когда ее пришел сменить на ночном дежурстве Свен Ларсен.

Этих двоих на звездолете прозвали Медведем и Белкой. Они нисколько не обижались и пользовались прозвищами как позывными. Изящная юркая Женевьев собирала свои огненные волосы в пышный беличий хвост, который постоянно мелькал то в одном, то в другом отсеке — передвигалась она всегда стремительно и бесшумно. Высокий и крупный Свен, напротив, отличался неторопливостью, ибо опасался случайно что-нибудь опрокинуть или разбить. Любовной парой они никогда не являлись, но охотно работали вместе.

— Ты бы, наверное, утащила игрушку в свое гнездо и разобрала бы по косточкам, — пошутил Свен над беличьими замашками Женевьев.

— Вот ещё! Тащить к себе незнакомый и потенциально опасный предмет инопланетного происхождения? Даже белки отнюдь не настолько глупы! — отпарировала она.

— Новостей больше нет?

— Никаких. Всё тихо. Сдаю дежурство без происшествий.

— Спокойного сна, Женевьев.

Рано утром у капитана Диаса началось совещание.

Робототехник Микель Эллаури напомнил, что даже в пассивном режиме аккумулятор коммуникатора не протянет дольше половины здешнего жаркого дня. А если им будут пользоваться интенсивно, то батарея сядет гораздо раньше. Решений — два: либо немедленно вернуть робот на «Гайю», либо послать туда кого-то из членов команды с зарядной станцией или со свежим аккумулятором. Местные жители вряд ли смогут сами справиться с перезарядкой инопланетного аппарата. И у них, скорее всего, совершенно другие способы соединения приборов с источниками питания.

— Рой, отправь туда меня! — поспешила вызваться Тесса Алулу. — Я сумею оживить батарею. А главное: пора перейти к изучению их языка! Математика и астрономия — это, конечно, прекрасно, однако нам нужны и слова, чтобы диалог перестал быть игрой абстракций.

— В одиночку ехать опасно, — веско заметил майор Маккизи.

— Не думаю! — возразила она. — Поскольку они до сих пор не пытались на нас напасть или уничтожить робота, они тоже хотят прямого контакта. Одиноким посланником не вызовет подозрений.

— Они могут захватить тебя в заложницы или подвергнуть весьма неприятным... эээ... процедурам допроса, — покачал головой Рой Диас.

— Да с чего бы? — возразила она. — Они не знают, сколько нас тут. И на что мы способны. Зачем провоцировать столкновение, расправляясь с переговорщиком? Какой в этом смысл? Заставить нас убраться отсюда? Ясно же, что это сейчас невозможно. Вызвать ответный удар? С какой целью?.. До сих пор в их действиях преобладала разумная осторожность.

— Хорошо. Как лингвист, ты действительно незаменима, — согласился Диас. — Но в паре с тобой отправится...

«Я!» — мгновенно отозвался майор Маккизи.

«Я!» — одновременно с ним воскликнул Свен Ларсен.

«И я!» — предложил себя Микель Эллаури.

— Нет, — проронил непререкаемым тоном Рой Диас. — Отправится господин Кан Веймин.

Кан Веймин, самый старший из экипажа, занимал на «Гайе» должности диетолога, нутрициолога, повара, и одновременно практиковал акупунктуру, массаж и обучение бесконтактному бою.

Отвечая на недоуменные взгляды собравшихся, капитан пояснил: «Боевые искусства, которыми в совершенстве владеет господин Кан, вовсе не забава для скучающих астронавтов во время длительного перелета. Это тоже оружие, пусть и незримое».

— Буду счастлив сопровождать госпожу доктора Алулу, — церемонно ответил Веймин, отвесив Рою почтительный китайский поклон.

Солнце Айни медленно вставало над Тиатарой.

В палатку, где на ночь оставили робота, вновь явились переговорщики: Уллио Файру и вызвавшийся сопровождать его Балаф Доэн.

— Аккумулятор сильно разряжен, — заметил Уллио. — И мы не знаем, как его зарядить. Попробую передать им простейшую схему возможных действий.

Пока энергия внутри аппарата еще не иссякла, Уллио воспользовался вторым, активным, экраном, едва светившимся в полумраке. Он бегло начертил стилизованный механизм, а чуть в стороне — то, что мыслилось как батарея. И соединил их прерывистой линией.

На первом экране в ответ появилась картинка: съемный аккумулятор и стрелка, направленная в сторону робота. Затем — изображение вездехода. Следующий этап — анимация: вездеход плавно движется от звездолета к палатке.

Индикатор энергии начал мигать красным светом. Но пришельцы успели сообщить самое главное: помощь скоро прибьет.

«Файру! Доэн! От корабля чужаков отделился какой-то транспорт и направляется к нам!» — зазвучал по рации обеспокоенный голос Таллара.

«Да, ас-васай. Это мы с Балафом вызвали бригаду ремонтников», — непринужденно ответил Уллио Файру.

«Прекратите шутить!» — строго одернул его Таллар.

«Мы не шутим, — отозвался Уллио. — Всё именно так и есть. Мы только что обменялись картинками. Они зарядят свой аппарат, и заодно познакомятся с нами».

В лагере все-таки объявили тревогу. Каждый занял свой пост. Оружие привели в боевую готовность.

Уллио Файру и Балафу Доэну было приказано оставаться рядом с роботом. К ним на помощь, как и вчера, прислали Аджара, вооруженного лазерным бластером и тагманским кинжалом — атрибутом охотников на баадаров.

Трое — против двоих.

Теперь уже было видно, что посланцев в приближавшемся транспорте двое. Кто они, разглядеть не давала кружившаяся над полупустыней пыль. Стекло машины, вроде бы прозрачное, бликовало от света Айни и застилалось облаком взвеси.

У палатки с роботом транспорт затормозил.

Дождавшись, пока туча пыли оседет, из машины легко выскочили два существа. Одно — высокое, стройное, гибкое. Другое — пониже, но тоже пропорционально сложенное и необычайно легкое в движениях.

Тиатарцы вышли навстречу гостям.

Аджар сжал рукоятку бластера.

«Не надо, — тихо сказал ему Файру. — Они, похоже, не вооружены».

«И мне кажется, будто длинное существо — это... женщина», — оторопело пробормотал

Доэн.

Уллио Файру и Балаф Доэн выступили вперед, Аджар следовал сзади.

Инопланетные гости медленно сделали несколько встречных шагов.

Обе группы переговорщиков остановились и с изумлением вглядывались друг в друга.

Головы пришельцев были закрыты шлемами с забралами, снабженными зеркальным покрытием.

Приблизившись к тиатарцам, они одновременно подняли эти забрала.

Лица гостей оказались такими кошмарными, что тиатарцы едва не отпрянули.

Одно существо было темным до черноты. Другое — изжелта-белым.

— Тесса, — внятно и медленно произнесло чернотелое существо, указав само на себя.

И еще раз повторило: — Тес-саа.

Голос звучал довольно приятно и воспринимался как женский.

— Кан, — проделал то же самое второй пришелец.

«Вероятно, они называли свои имена», — догадался Балаф.

Если так, то всё превосходно. При попытке напасть представляться не обязательно.

Он приложил руку ко лбу и сказал:

— Балаф.

— Уллио, — последовал его примеру Файру.

— Аджар! — не преминул выйти из-за их спин тагманец.

— «Ба-лаф. У-ллио. А-джар», — повторила инопланетянка и вдруг обнажила в оскале два ряда белых зубов.

«До чего же она безобразна... Такое чудовище может привидеться только в кошмарном сне», — подумал Балаф, продолжая взглядываться в эту самую Тессу, которая, очевидно, считалась главной из двух посланников.

Неужели бывают существа с черной кожей? Что за прихоть природы? Или на их планете царит беспросветная ночь, и там нужно сливаться с мраком, чтобы не стать добычей свирепых тварей?..

И глаза — тоже странные. В центре — черные, по краям — млечно-белые, с легкой голубизной. То, что глаз всего два — не столь удивительно, у тагманцев нет третьего глаза, зато есть, как и у этих пришельцев, шерсть над глазами и на голове. Но у этой Тессы столько шерсти, что трудно понять, как она сохраняет ее в чистоте. Или это все-таки шапка? Подшлемник?

А зубы! И этот хищный оскал!..

Похоже, черная женщина не имеет злобных намерений, но смотреть на раскрытую пасть неприятно. Язык у нее, кстати, не черный, а розовый. Гадкое сочетание.

Неужели все пришельцы такие же?

Наверное, нет.

Ее спутник по имени Кан не вполне похож на нее. Цвет его кожных покровов тоже выглядит омерзительно. Бледен, словно покойник. А глаза — очень узкие. Плоский маленький нос. Как он дышит? Волосы на голове чуть заметны. Плохо растут? Он от природы короткошерстный? Или искусственно сбрил их, чтобы казаться более мужественным? Но по сравнению с изжелта-белой кожей контраст отвратителен.

А голос у него, хотя и мужской, какой-то резкий и квакающий.

Ничего. Никто ведь не требует, чтобы мы их любили. Главное — не поссориться в самом начале. Потом как-нибудь привыкнем друг к другу. Если эти пришельцы поселятся в отдалении от Тиастеллы, то и видеть их придется не часто. Или вообще не придется.

«Боги космоса, до чего же ужасный вид у здешних жителей», — сокрушенно подумала Тесса Алулу.

Да, камеры робота-коммуникатора исправно слали на «Гайю» изображения того тиа-тарца, который назвал себя «Уллио», но картинка выглядела не очень резкой, поскольку транслировался прежде всего обмен информацией — геометрические фигуры, числа, схемы, рисунки, графики...

Теперь собеседников можно было разглядеть наяву.

Издали — стройные молодые мужчины, кроме третьего, коренастого и приземистого, которого на «Гайе» уже прозвали «неандертальцем».

Но лица...

Серо-зеленоватая кожа с мелкими чешуйками, как у рептилий. Никаких волос на лице и на голове. В самом деле, зачем рептилиям волосы?

Вместо ресниц вокруг глаз — узорчатые ободки, как у ящериц или птиц. Не сказать, что это смотрится очень уродливо, но... непривычно.

А сами глаза — большие. И, пожалуй, даже красивые. У того, кто назвался «Балаф», они серые с коричневыми прожилками. У другого, «Уллио» — цвета темного янтаря. Но если бы глаз было два! А их — три. И третий — совсем не такой, как два нижних. Сидит глубоко и скорее светит, чем смотрит. Очень странно. Как-то не по себе становится, когда этот третий глаз тебя словно бы сканирует — а потом вдруг медленно прикрывается толстым веком.

Неулыбчивый рот — словно узкая щель.

Неподвижная мимика. Или они просто напряжены и стремятся не выдать своих подлинных чувств?

Наверное, мы им тоже кажемся редкостными уродами.

Но нельзя поддаваться эмоциям. Нужно общаться.

Человечество столько столетий мечтало когда-нибудь встретить собратьев по разуму — и вот они, рядом, и мы понимаем друг друга!

Привыкнем и к необычному облику.

Кан Веймин быстро выгрузил и заменил севший аккумулятор. Робот ожил и вновь замигал огоньками, издал приветственную попевку и засветился двумя экранами, словно бы приглашая продолжить беседу.

Перед экранами встали Балаф и Тесса. Остальные заняли места справа и слева от них.

Начался обмен первыми понятиями и словами, подкрепляемые визуальными изображениями.

Тесса долго думала, какой из языков выбрать в качестве основного при обучении инопланетян. Сама она предпочла бы латынь, но на «Гайе» ее почти никто не знает, кроме падре Орфео, историка Тео фон Ульмана и врачей, у которых весьма специфический лексикон. Зато международным английским владеют все участники экспедиции «Гайи». Да, с фонетикой и орфографией тут неизбежны проблемы, зато грамматика проще, чем в большинстве других земных языков. Нет спряжений, склонений, согласований прилагательных и наречий с существительными. Отсутствует категория рода. Артикли не изменяются по падежам, как в немецком или испанском. И самые употребительные слова довольно короткие. Графика непритязательная, без заковыристой диакритики вроде умляутов, циркумфлексов, аксанов и прочих изысков.

Картинка. Слово. Пояснительный или указательный жест. Снова то же самое слово. Его написание буквами. Произнесение нарастающее.

«Мужчина». «Женщина». «Человек». «Я». «Ты». «Он». «Мы». «Один». «Два». «Три»...
Театралы внимательно слушали и смотрели.

Уллио фиксировал происходящее, включив какое-то компактное устройство типа планшета, а Балаф записывал информацию от руки в небольшую книжицу вроде блокнота с перекладными страницами и прикрепленным на нитке грифелем.

Потом Балаф начал вдумчиво повторять за Тессой звуки, жесты, слова. И попытался составить первые фразы. «Я — мужчина». «Ты — женщина». «Он — один». «Мы — два».

Его речевой аппарат сопротивлялся непривычной фонетике, однако он отлично понимал смысл того, что произносил.

Неужели он тоже... лингвист? И его послали вести эти переговоры как местного специалиста?...

У Тессы вдруг появилось радостное и теплое чувство причастности их обоих к общему делу, несмотря на все видимые различия.

Освоив первую порцию слов, Балаф приступил к ответному ознакомительному уроку, снабдив уже знакомые понятия переводом на свой язык.

Этот язык показался Тессе сложным и прихотливым, однако пленявшим ее слух изысканной мелодичностью. В нем имелись долгие и краткие гласные, причем долгие мягко перетекали друг в друга, не сливаясь в дифтонги, а согласные не громоздились по три-четыре подряд, как в немецком, армянском, русском и польском. Шипящих и свистящих звуков, кажется, вовсе не было. Отсутствовала фонема «п» — по крайней мере, Тесса ее вычленить не смогла. Ударение перемещалось туда и сюда, однако тоновым язык не казался, поскольку от интонации смысл вроде бы не зависел, как в китайском или йоруба.

Обладая опытом переводчика, полиглота и преподавателя, Тесса включила все свои профессиональные навыки и спустя недолгое время смогла повторить за Балафом слова языка, который тот назвал «уйлооаннсс» — ударение вроде бы приходилось на «а», однако предыдущее «о» было долгим, зато «а» в смычке с «н» превращалось в носовой долгий звук, сменявшийся переливчатым «ннсс».

Она тоже заносила всё произносимое в свой гаджет, не довольствуясь автоматической записью камеры, расположенной у нее на груди.

После первых существительных, местоимений и чисел они перешли к глаголам. «Ходить». «Лететь». «Видеть». «Слышать». «Говорить». Ввели отрицания: «Не говорить». «Не слышать». «Не люди». «Не много».

Добавили обыденной лексики. «Пить». «Вода». «Питаться». «Спать».

Продвижение шло с обеих сторон очень медленно, но успех был бесспорным. Через несколько часов оба переговорщика, Тесса и Балаф, уже могли обмениваться внятными сообщениями на двух языках. Ничего содержательно важного в эти речи пока не вкладывалось, однако оба радовались, что понимание понемногу растет, а напряжение и недоверие сходит на нет.

Временами им вторили Кан и Уллио. Державшийся настороже «неандерталец» Аджар не вступал в разговоры, но иногда что-то произносил на своем языке, совершенно отличном от уйлоанского. Балаф отвечал ему на том же языке, очевидно, поясняя происходящее.

Тесса решила, что освоит второй язык чуть попозже, чтобы не вносить сейчас излишнюю путаницу. Аджар понимал «уйлооаннсс» и внимательно следил за беседой. Дикарем он явно не был, несмотря на брутальность облика. Скорее всего, решила Тесса, Аджар занимал военную должность, а Балаф и Уллио имели другие специальности: лингвист и компьютерщик. Спросить у них об этом подробнее пока еще не позволял ограниченный лексикон, доступный обоим сторонам диалога.

Все устали. В палатке сделалось невыносимо жарко и душно. По лицам людей непрерывно струился пот. Нестерпимо хотелось пить. Чувство голода притуплялось восторгом познания, хотя вообще-то давно наступило время обеда. Тессе к тому же требовалось посетить туалет, но здесь его не было, а справлять свои надобности под открытым небом, да еще в мужском окружении, явно не подходило.

Кан Веймин, сделав предупреждающий жест, выключил экран и перевел коммуникатор в спящий режим.

Внезапно в палатку вошел еще один уйлоанец. Похоже, высокого ранга. Он слегка поклонился землянам и что-то сказал Уллио и Балафу.

Балаф попытался перевести, как сумел. Неуклюже, топорно, но в целом понятно. «Map and woman. Go to we»... «*Мужчина и женщина. Идти к нам. Мы много. Вода. Там пить. Есть еда. Говорить. Смотреть*».

— *Во-мэнь шы бэй яо-цин цюй цзо-кэ ма?* — изумился Веймин, обратившись к ней на китайском. — Я правильно понял, что нас приглашают в гости?

— *Во жэньвэй чжэньши чжэян,* — подтвердила Тесса. — Полагаю, именно так

— Хотите рискнуть?

— Почему бы и нет? Отказываться по-любому невежливо. А согласие — знак доверия.

— «Тесса! Очнись! Не безумствуй! No hagas locuras!» — раздался в ее нагрудном девайсе рассерженный голос Роя.

— Нас примут на высшем уровне! — задорно отозвалась она.

Уйлоанцы ждали, решатся ли инопланетяне пойти в их лагерь — вдвоем, без оружия и без прикрытия.

Тесса переглянулась с Веймином и решила: «Идем».

«Под твою ответственность!» — едва ли не рявкнул Рой, но запрещать визит не стал.

В лагере тиатарцев басовито гудели механизмы — наверное, генераторы электричества, рефрижераторы или кондиционеры. Насколько люди успели понять, уйлоанцы плохо переносили жару, закрывая все тело одеждой и стараясь не оставаться подолгу под солнцем.

В одной палатке накрыли раскладные столы для начальства и переговорщиков. Под пологом веял прохладный сквозняк, а яркий естественный свет, проходивший сквозь отверстия в стенах, приглушался полупрозрачными зеленоватыми занавесками.

Не происходи всё это на незнакомой планете в стане совершенно чужеродных существ, можно было бы вообразить себе приют археологов или геологов где-нибудь на краю Сахары или в центре Австралии. Посуда — простейшая: блюда, стаканы и широкие миски из материала, похожего на алюминий. Еда — лепешки и нечто растительное, то ли овощи, то ли фрукты. Но самое главное — прозрачные сосуды с водой. Вероятно, холодной. И с виду — кристально чистой.

Тесса и Кан Веймин быстро переглянулись. Питаться неведомой пищей строжайше запрещали инструкции. Вряд ли хозяева Тиатары намеревались их отравить, однако человеческие организмы могли воспротивиться здешней снеди. Требовалось сначала исследовать ее на совместимость с пищеварительной системой землян.

Но... хоть воду-то — можно?..

По-своему истолковав нерешительность гостей, Балаф что-то быстро сказал своему начальнику, которого, кажется, звали Таллар. Тот ответил, и Балаф указующим жестом предложил Веймину и Тессе пройти в соседнюю дверь. За пологом располагался санитарный отсек, который Балаф обозначил красивым словом «колло».

Это было сушим спасением.

Тесса, поправ приличия, устремилась внутрь и обнаружила в закутке устройство вполне понятного назначения. Наблюдают за ней скрытой камерой или нет, Тессу не волновало — она

быстро расстегнула молнию комбинезона и избавилась от давно терзавших ее мучительных ощущений.

Сообразив, на какие кнопки и рычаги нажимать, она очистила слив и направила руки под пульверизатор. Оттуда пшикнула жидкость, по запаху похожая на смесь воды и дезинфицирующего средства.

Затем ее примеру последовал Кан Веймин.

Балаф проводил их назад, в столовую, а сам вместе с Уллио вернулся, чтобы тоже воспользоваться «колло».

Пока они отсутствовали, Тесса пыталась занять Таллара беседой, используя все известные ей на сегодня слова и дополняя их жестами, перенятыми у Балафа. Содержательным разговор получиться не мог, но посланцы «Гайи» хотя бы узнали некоторые имена присутствующих. Такое знание всегда повышает степень доверия.

Тесса выяснила, что тиатарские уйлоанцы зовут себя двойным именем. Вероятно, вторая часть аналогична фамилии. Начальник отряда — Тайо Таллар. Его звание или титул — «ас-васай», и это не имя. Фамилия Балафа — Доэн. А фамилия Уллио — Файру. Балаф и Уллио — друзья, им дозволено обходиться без лишних формальностей. Но начальник обращается к ним «Доэн» и «Файру», а они к нему — «ас-васай».

Помня, насколько у некоторых народов Земли важно произнесение полного имени, Тесса не преминула назвать себя: «Тесса Алулу», а своего спутника — «Кан Веймин».

Всё, происходившее в офицерской палатке, несомненно, записывалось тиатарской техникой, расположенной по периметру. Но ведь у Тессы и Кана тоже имелись нагрудные коммуникаторы, непрерывно транслировавшие картинку и звук на компьютеры «Гайи» и лично Рою Диасу.

Настоящих переговоров при спонтанном визите, да еще и со столь скудным языковым запасом, не предполагалось. Но любезная встреча представителей разных миров производила на обе стороны сильное впечатление.

Тиатарцы отнюдь не настаивали на принятии землянами предложенных угощений. Вероятно, хозяева хорошо представляли себе, что любое здешнее органическое вещество может оказаться губительным для гостей. Зато благодаря импровизированному застолью Тесса узнала, как по-уйлоански будет «тарелка», «стакан», «еда», «лепешка».

Воду она все-таки решилась выпить. Но предварительно бросила в стакан обеззараживающую таблетку, хранившуюся в нагрудном кармане комбинезона. То же самое сделал Веймин. Таблетки растворились бесшумно и быстро, цвет жидкости не изменился — значит, существенных примесей в ней не содержалось. На запах и вкус — обычная H²O. Тессе даже подумалось, что она никогда — с детских лет — не пила столь упоительно свежей и вкусной воды. Ведь на «Гайе» вся вода использовалась многократно, подвергаясь очистке, фильтрации и добавлению элементов, превращавших мертвенный дистиллят в нечто пригодное для утоления жажды.

Действия Тессы и Веймина с любопытством отслеживались, однако воспринимались как должное. Похоже, тут были знакомы с подобными методами нейтрализации вредных бактерий и вовсе не находили их оскорбительными для хозяев.

Балаф, Уллио и прочие уйлоанцы ели с видимым удовольствием. Они брали лепешки, наполняли их густой кашцей, пахшей грибами, макали в плоски с соусом и закусывали тем, что напоминало то ли овощи, то ли фрукты — нечто продолговатое с зеленой пупырчатой кожурой и темно-красной внутренностью. Запивали водой из тех же сосудов — никакого подвоха тут быть не могло, травить гостей никто и не думал.

После трапезы Тессу и Веймина пригласили в палатку ас-васая Таллара. За ними последовали Балаф, Уллио и еще один уйлоанец, назвавшийся «Ноффо Гиссар».

У стены стояло нечто вроде школьной интерактивной доски, на которой можно было писать, чертить фигуры и схемы, или проецировать изображения с внешних источников.

«Тамэнь сяньжань чжидео дянънао»... — тихо сказал Веймин по-китайски: — Они явно знают, что такое компьютер, но у них такой техники либо нет, либо она вышла из строя, а новой они создать не сумели.

«Простая доска удобнее», — ответила Тесса: «Цзяньдань байбань гэн фанбянь».

Балаф, слышавший их диалог, насторожился, ибо язык ему был непонятен.

Таллар принялся рисовать на доске фигуры, обозначающие расположение древнего звездолета (он, оказывается, назывался "Солла"), «Гайи» (ее название здесь уже знали и научились произносить отчетливо) и лагеря тиатарцев.

«Нужен переговорный пункт!», — перешел Веймин на английский и взял из рук Таллара стилус для рисования. Кан владел каллиграфией и искусно изображал любые детали пейзажа, техники или предметов.

Между «Гайей» и лагерем тиатарцев появились три павильона. Один соединялся линией с «Гайей», другой — с этим лагерем. В среднем павильоне должен был разместиться робот-коммуникатор. Для наглядности Кан Веймин добавил фигурки участников переговоров, которые двигались бы навстречу друг другу.

Ас-васай и его подчиненные внимательно рассмотрели рисунок и, немного посоветовавшись, дали понять, что согласны с предложенным планом.

Местность просматривалась с обеих сторон. Внезапное нападение исключалось. Павильоны легко собирались и разбирались, зато внутри каждого появились бы все удобства — вода, еда, кондиционеры, «колло». Оружие — нет. Никакого оружия.

Тесса быстро связалась с Роем и передала картинку ему на компьютер.

Рой, по своему обыкновению, отпустил крутое словцо на испанском, но в данном случае оно означало скорее восхищение, нежели негодование.

«Скажи им, что я одобряю идею!» — приказал он командирским тоном.

«Слушаюсь, мой капитан!» — отчеканила Тесса.

Общий язык

Сначала доставили и смонтировали павильоны — два хозяйственных и переговорный. Последний прибыл с «Гайи», поскольку там имелась более современная техника. Соорудили настилы, воздвигли каркасы, натянули крыши и стены, провели электричество, обеспечили вентиляцию. Две бригады работали, почти не соприкасаясь друг с другом. Но, когда возникала необходимость, объяснялись картинками, схемами или жестами.

Лишь на вторые сутки на место прибыли переговорщики. Помимо Тессы и Веймина, ими стали Вера Кемет, Тео фон Ульман и Христо Младенов. Их безопасность обеспечивала подчиненная майора Маккизи — Лина Бонаventura, не столь грубовато-воинственная, как начальник, но обученная мгновенно действовать в критических ситуациях. Грациозная, словно дикая кошка, она предпочитала выглядеть мягкой и передвигаться быстро и скрытно.

Тиатарцы прислали, в дополнение к Балафу Дозну, Уллио Файру и Аджару, трех специалистов: Эттао Ниссэя, Ноффо Гиссара — к удивлению землян — почтенную даму по имени Ринна Моан. Вероятно, ее срочно доставили из Тиастеллы, поскольку во время визита Тессы и Веймина к тиатарцам никаких женщин в лагере не наблюдалось. Тесса даже спросила у Балафа — «Женщин нет?» — на что он, немного смутившись, ответил сдержанно на тарабарском английском: «Женщина — мы есть. Очень много. Не здесь. Скоро видеть». «Woman — we have. Many-many. Not here. See soon».

Она пожалела, что задала столь бестактный вопрос. Может быть, в их культуре женщинам не полагалось находиться среди мужчин. Или же тиатарцы попросту берегли своих женщин и потому не взяли в опасный, как им представлялось, поход, который мог закончиться боевым столкновением. В таком случае Балаф вряд ли мог ответить правдиво.

Добытые Тессой и Каном Веймином ценные сведения разбирались и обсуждались на общем собрании экипажа «Гайи». Рой Диас сперва поругал посланцев за дерзкое самовольство, а потом похвалил за отвагу и умные действия. Джон Маккизи, просматривая смутные и фрагментарные записи визоров, встроенных в комбинезоны, заметил, что оружие у тиатарцев, конечно, довольно серьезное, но громоздкое и, вероятней всего, устаревшее. Поэтому они не торопятся нападать, а предпочитают добыть побольше информации о пришельцах, вступив в затяжные переговоры.

«Затяжные?!» — возмущенно вскинулась Тесса.

Ничего себе — затяжные! Продвижение с обеих сторон — небывало стремительное! Уже сейчас земляне и тиатарцы способны вести диалог, пусть пока весьма примитивный. Через несколько дней, если прежний темп сохранится, разговоры станут более внятными.

«Нам неслыханно повезло! Мы наткнулись не просто на неких разумных существ, а на цивилизацию, сходную с нашей», — поддержал ее Тео фон Ульман, сохранявший даже во время космических странствий профессорский вид. Светлоглазый блондин, он рано начал лысеть и выглядел несколько старше своих тридцати восьми лет. В прежней жизни он работал в Кёльнском музее древностей, но всегда увлекался космосом и твердо верил в существование в недрах Вселенной других миров, подобных земным.

Сходные разговоры велись и в лагере тиатарцев. Они сочли добрым знаком появление переговорщиков, которые явно не принадлежали к военным и не были вооружены. Конечно, госпожа Тесса Алулу и господин Кан Веймин выполняли и роль разведчиков, фиксируя скрытыми камерами всё, что видели рядом с собой. Но могло ли быть по-иному? Держались они дружелюбно, пусть порой совершенно вразрез с этикетом. Вероятно, у них другие понятия о приличиях. Это вовсе не повод конфликтовать.

На новом месте общаться оказалось намного удобнее, чем в прежней тесной и раскаленной от солнца палатке. Вместо примитивного робота-коммуникатора — большие экраны,

проекторы, компьютеры, письменные принадлежности, столы, табуреты и кресла. Можно было разбиться на рабочие группы, обратиться к коллегам за консультациями, снова объединиться, сделать паузу...

Тесса Алулу и Балаф Доэн работали практически безостановочно. Они ревностно обучали друг друга английскому и уйлоанскому. Выяснилось, что Балаф Доэн был опытным преподавателем и умел излагать свои мысли ясно и кратко. А поскольку он владел и вторым языком Тиатары, тагманским, то звуки «ч», «дж» и «ш» ему были довольно привычными.

Попутно Балаф и Тесса переводили высказывания своих спутников, которые не были искушенными лингвистами, но как профессионалы вполне понимали друг друга.

Благодаря увлеченному диалогу Эттао Ниссэя и Христо Младенова удалось уяснить, почему часть жителей Тиатары именуют себя уйлоанцами, а свой язык — уйлоанским. Они прилетели с планеты Уйлоа. Их корабль, давно заброшенный, назывался «Солла». Это название и сейчас читалось снаружи, но его смысл оставался неясным. Оказалось, «солла» значит «звезда», и соответственно, «соллис» — «звезды», «соллайон» — «созвездие». Уйлоанцы пришли в восторг, узнав, что звезда планеты, с которой явились земляне, на некоторых языках называется «Sol». Английское «Sun», уже известное уйлоанцам, звучало совсем по-иному, но Тесса заверила, что корневая основа у них — одна. В некоторых земных языках, славянских, это видно наглядно: на болгарском, языке Христо Младенова — «слънце», на русском, языке Юрия Гаранина — «солнце».

Слово «Earth», да еще и с артиклем, уйлоанцы произнести не могли, и Тео фон Ульман предложил заменить его древним латинским синонимом — Теллус. Это имя сразу легло на язык, поскольку не противоречило уйлоанской фонетике.

Попутно земляне узнали имя здешней звезды — Айни, и двух лун Тиатары — Тинды и Сатинды, а также имена других планет системы Айни — раскаленных Дунны и Калны, на которых жизнь была невозможна, и отдаленной холодной Сулеты, окутанной переливчатой атмосферой и покрытой сияющим льдом.

Вера Кемет, внимательно наблюдавшая за поведением всех участников переговоров, пыталась общаться с Ринной Моан.

В отличие от мужчин, носивших мешковатые брюки, просторные рубахи и безрукавки с откинутыми на спины капюшонами, уйлоанка явилась в длинном платье и широкой накидке — то и другое из легкой материи вроде вискозы, собранной в мелкие складки. Открытыми оставались лишь голова, кисти рук и ноги в сандалиях. «Похоже на одеяние достопочтенной римской матроны», — тихо прокомментировал на немецком Тео. Скорее всего, госпожа Моан в самом деле принадлежала к местной знати и пользовалась подчеркнутым уважением всех окружающих. Понять ее возраст не представлялось возможным. Если бы не наряд, уйлоанскую женщину с непривычки можно было бы спутать с мужчиной. Такая же безволосая. Разве что кожа нежнее и светлей. И фигура изящнее. Два нижних глаза — серые с зеленцой, ободки вокруг них — словно россыпь мелких жемчужин, верхний глаз — серебристый. На шее висело некое украшение с полупрозрачным камнем в оправе из желтоватого сплава. Оно могло быть и просто кулоном, и прибором со встроенной камерой.

Поначалу Вера подумала, будто Ринна — тоже психолог, поскольку та старалась больше смотреть и слушать, нежели вступать в разговоры. Но, когда Балаф и Тесса дошли до грамматических категорий и выяснили, как выражается на двух языках настоящее, будущее и прошедшее время, Ринна Моан повернулась к Вере и повторила увиденное на экране короткое слово «Past», заменив в нем первую букву, смягчив последнюю и растянув нараспев корневую гласную: «*Baasti*». Скорее всего, она прочитала не английские буквы, а записанную Балафом Доэном транскрипцию на уйлоанском, снабженную переводом: «*У-тайс*». Потом Ринна Моан указала сама на себя и дала понять, что она «учить прошлое». То есть, ее специальность —

история?.. Тогда ей легче найти точки соприкосновения с Тео фон Ульманом. Тео в это время беседовал с Уллио Файру, и Вера не решилась их прерывать.

Кое-что начало проясняться. Вера сделала вывод, что ее собеседница — либо ученый, либо преподаватель. Умная, сдержанная, терпеливая, внимательная к мелочам и способная методично докапываться до истины.

Возможно, Ринна Моан тоже приняла Веру Кемет за коллегу.

Хорошо, пусть думает так. Психология — столь специфическая сфера знаний, что даже на обычных земных языках не всегда получается растолковать собеседнику, в чем ее суть. А Вера Кемет — не теоретик, а практик, причем с весьма необычными навыками. Ее род происходит от венгерских цыган, веками промышлявших гаданием. К этому ремеслу ныне принято относиться с насмешливой пренебрежительностью. Однако, с научной точки зрения, оно сочетало в себе понимание человеческих душ и умение быстро рассчитывать вероятностный вектор событий. Вера бы не назвала это магией. Интуиция у нее была сильно развита, что нередко ее выручало в критических ситуациях. Она чувствовала нарастание напряжения задолго до того, как случался конфликт, и ощущала опасность, когда вроде бы ничего никому не грозило. Дальше в ход шло ее профессиональное мастерство. Гармонизация отношений между партнерами или коллегами. Прогнозирование кризиса и перечень мер, необходимых для его предотвращения. Предупреждение Роя Диаса об ухудшающейся обстановке на корабле. Причины обычно бывали житейскими, ничего зловеще необъяснимого или потустороннего. Однако Вера Кемет не поднимала тревогу попусту. Поэтому к ней прислушивались, и ее рекомендациям следовали. Но дружить с ней никто не решался. На «Гайе» она держалась особняком.

Теперь она выполняла несколько миссий одновременно. Училась понимать уйлоанский язык и разгадывать эмоции уйлоанцев. Общалась с Ринной Моан, обмениваясь полезными понятиями, иногда довольно абстрактными — вроде «прошлое» и «история». Отслеживала общий уровень напряжения между группами собеседников.

Пока — никаких угроз.

Даже оба охранника, Аджар и Лина Бонавентура, заняв посты по обе стороны двери, держались почти расслабленно, порой обмениваясь любопытными взглядами и по очереди удаляясь на краткие перерывы.

Похоже, наличие вооруженной охраны воспринималось всеми как неизбежная дань формальностям. Никто всерьез не ждал ни ссоры, ни нападения.

Тайо Таллар собрал ежевечернее совещание.

Приближались события, обещавшие стать поворотными. Срочно требовалось принимать решения, после которых отыграть назад уже не получилось бы.

Взаимное освоение языков достигло уровня, позволявшего начать переговоры на более официальном уровне, нежели рабочие встречи переводчиков и экспертов. Черная женщина по имени Тесса Алулу быстро запоминала слова, искусно перенимала произношение и училась владеть непростой уйлоанской грамматикой. Балаф Доэн уступал ей в опыте и мастерстве, но тоже упорно продвигался вперед, и пришельцы с планеты Теллус хорошо понимали изречаемые им фразы, даже если он кое-где ошибался. Картинки, схемы и видеофайлы, изображаемые на экранах, помогали справиться с непониманием.

Наверное, теперь уже можно было бы устроить личную встречу ас-васая Тайо Таллара и командира инопланетного звездолета «Гайя» — капитана Роя Диаса. У Таллара есть полномочия действовать по собственному усмотрению, как у бывшего члена Совета Шести и начальника службы порядка в Тиастелле. Конечно, он постоянно поддерживает контакт с непрерывно заседающим Советом, и прежде всего — с ас-майсаром Симмао Карроном и главным судьей Тиастеллы, принцем Ульвеном Киофаром.

Капитан Рой Диас уже передал через Тессу Алулу свое пожелание повидаться с Тайо Талларом и другими лицами, облеченными властью на Тиатаре. До сих пор на поверхность планеты выходили только те, кто участвовал в налаживании первых контактов. Но команда «Гайи» не может всегда оставаться внутри звездолета. И улететь в свою галактику тоже сейчас не может. Людям придется высадиться на Тиатару. Но им не хотелось бы строить свое поселение, не заручившись согласием тиатарцев. Нужно выработать условия договора, который позволит обоим народам жить, не мешая друг другу.

— Речи, как мы все понимаем, очень дельные и разумные, — подытожил Тайо Таллар.

— Но насколько можно им верить? — спросил тагманец Кудрай, не принимавший участия в переговорах.

— Я думаю, можно, — отозвался его соплеменник Аджар, постоянно сопровождавший Балафа Доэна и Уллию Файру.

Аджар был из рода охотников и с детства привык ощущать опасность, отслеживать добычу, не выдавая себя, и наносить удар лишь при полной уверенности в своем превосходстве.

— Пришельцы все очень разные, — заметила Ринна Моан. — Но среди тех, с кем мне довелось говорить, я не встретила ни одного, кто питал бы к нам отвращение или враждебность.

— Женщина-воин стояла на страже и следила за нами, но не прикасалась к оружию, — подтвердил Аджар.

— Да и между собой они общаются как друзья. Это трудно подделать, — сказал Уллию Файру.

— Теперь они не кажутся столь безобразными, — добавил Балаф Доэн. — Удивляет лишь непохожесть внутри одной расы. И количество языков, на которых они говорят.

— Языков? — удивился Тайо Таллар. — Я слышал лишь два, язык Тессы Алулу и ее спутника, господина Кана.

— На Теллус — тысячи языков! — сообщил Балаф. — Это просто невероятно! Тесса Алулу выучила не менее тридцати языков, современных и древних, что составляет ничтожную долю от всех известных на той планете. Нас обучают самому обиходному и, как она полагает, одному из самых простых. Впрочем, проста там только грамматика. Остальное весьма непригодно для слуха и глаз. Многое произносится совершенно не так, как пишется.

— Лишь бы не было сильных расхождений между словом и смыслом, — прервал его ас-васай.

— Ограниченность словаря позволяет избежать двусмысленностей и разночтений, — заметил Ноффо Гиссар. — Это вроде двоичного кода, с которого начался диалог с пришельцами. Да — да, нет — нет.

— Мы должны дать ответ на послание командира Роя Диаса, — вернулся к теме собрания Тайо Таллар. — И сделать это не позднее, чем завтра. Иначе они подумают, будто мы продолжаем считать их врагами.

— Вы готовите текст послания? — спросил Балаф Доэн. — Я готов помочь с переводом, ас-васай.

— Погодите, Доэн, — осадил его Тайо Таллар. — Вы забыли о еще одном обстоятельстве. Крайне важном.

— Каком? — в один голос спросили все прочие.

— Вы настолько увлеклись общением с пришельцами, что совершенно забыли о наступающем через трое суток двулунии.

— Да! — вступил в разговор Эттао Ниссэй. — По моим подсчетам, буря, сопровождающая синхронизацию Тинды и Сатинды, ожидается несколько раньше. Так бывает. Для более точных расчетов нам не помешал бы еще один телескоп и метеорологический зонд, способный работать в высоких слоях атмосферы. Таблицы, составленные моим предком Эллуэном Эттаем и госпожой Асселлой Каррон, на тот момент были верными, но ничтожные отклонения в доли

секунд за минувшие десятилетия превратились в часы. К тому же планета со спутниками — система, всегда находящаяся в движении. Нужно учитывать орбиты и скорость движения всех трех тел, равно как сезонные процессы в атмосфере самой Тиатары.

— То есть, вы хотите сказать, господин Ниссэй, буря накроет нас через двое суток, а не через трое?

— Это весьма вероятно, ас-васай.

— Эттай прав, — изрек Кудрай. — Гурсы уже зарываются в норы.

— Кто? — удивился Уллио Файру.

— Такие зверушки, — пояснил Аджар. — Живут в пустыне. Охотятся на змеек и ящериц. Перед бурей обычно прячутся. Я не обратил внимания, что они сейчас делают. А Кудрай нес вахту в отряде. При обходе всё примечал. Любой шорох. Любое движение.

«Тагманцы в некоторых отношениях совершенно незаменимы», — подумал Тайо Таллар. Вслух же выразил одобрение наблюдательности Кудрая.

— Значит, мы должны уже завтра свернуть наш лагерь и вернуться в город, — сказал ас-васай. — В крайнем случае — послезавтра с утра.

— Ничего не сказав пришельцам? — удивился Балаф Доэн.

— В этом — главный вопрос. У нас три способа действовать. Первый: заранее предупредить их о буре, чтобы они могли принять нужные меры. Второй: внезапно уйти, ни о чем не предупреждая. Третий: выманить их наружу в день бури. Но самим удалиться заранее.

— Нет! — решительно заявил Уллио Файру. — Это недопустимо! Буря принесет пришельцам огромный ущерб, а бесчестие за позорный поступок ляжет на нас и на наших потомков!

— Начинать историю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.